

М. А. ЛЕЙКИНЪ.

Н. А. Leikin.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПОДГОРОДНОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ДАЧНОЙ ЖИЗНИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. Голике.

Троицкая улица, д. № 18.

1893.

Harvard College Library

Feb. 18, 1901

From the Bequest of

HENRY C. WARREN.

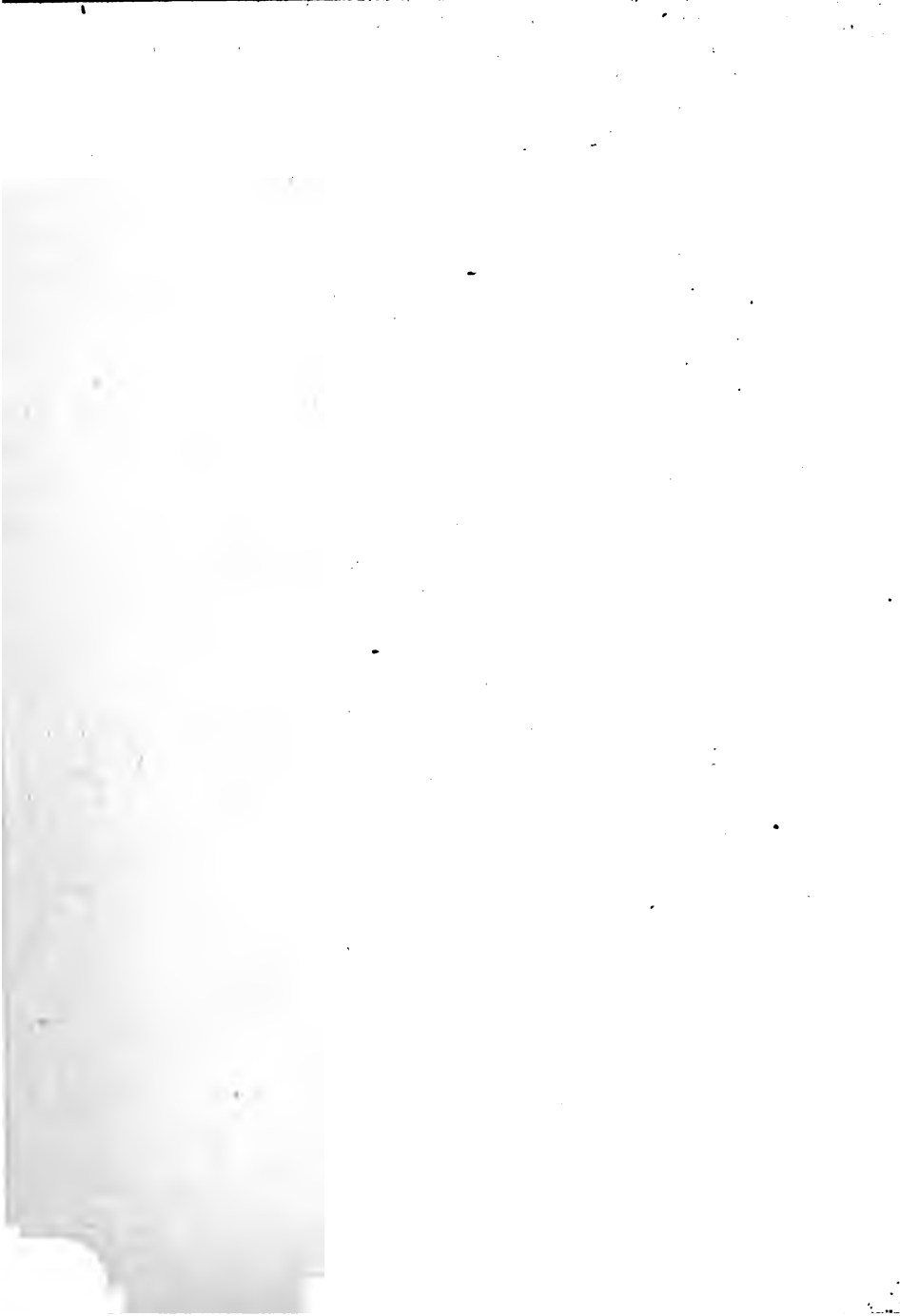
Slav 4346.2.61

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
На лонѣ природы	I
Въ деревнѣ	140
Подходъ	204
Въ усадьбѣ	299
Питерскій гость	365
Въ подгородномъ уголкѣ:	
Около караульнаго	395
Лѣшій	400
На грибной охотѣ	407
Выдра	413
Водяной	420
Около торговца-ходебщика	426
Въ деревенской лавкѣ	433
Запоздавшіе дачники	439
При отъѣздѣ	446

НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

I.

Далеко, однако... Ъхали, ѡхали... говорила дама, выходя на станціи изъ поѣзда на платформу.

— Что за далеко! Пятьдесятъ съ небольшимъ верстъ, отвѣчалъ ея мужъ.—За то ужъ тутъ будетъ настоящая дача. Это не то, что въ пригородныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ, въ Гражданкѣ или даже въ Шуваловѣ. Какая тамъ дача! Человѣкъ на человѣкѣ сидитъ. Ни воздуха настоящаго... ничего... Въ Шуваловѣ воздухъ-то еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ въ Казанской или Пушкинской улицѣ, особливо въ срединѣ лѣта. А тутъ ужъ прямо лоно природы.

— Такъ-то оно такъ, однако ты рассчитай проѣздъ. Вѣдь и проѣздъ дороже...

— Проѣздъ дороже, но за то помѣщеніе и жизнь дешевле... Тутъ вѣдь 'дача въ томъ смыслѣ, какъ ты привыкла понимать, нѣтъ. Живутъ въ деревнѣ, нанимаютъ у крестьянъ избы. Иванъ Васильевичъ въ прошломъ году платилъ за избу изъ трехъ комнатъ что-то сорокъ рублей съ дровами. При этомъ садикъ.

— Да неужели? удивилась жена.

— Изъ-за этого-то я тебя и привезъ посмотрѣть помѣщеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ. Гдѣ ты найдешь какую-нибудь дачу въ Лѣсномъ или Гражданкѣ за сорокъ рублей, не говоря уже о Шуваловѣ! Да и вообще здѣсь жизнь дешевле. Здѣсь нѣтъ ни разносчиковъ-торговцевъ, ни этихъ самыхъ акулъ-мужиковъ шуваловскихъ и парголовскихъ, старающихся содрать за бутылку поддѣльнаго молока пятіалтынный.

Они сошли съ платформы. У платформы сидѣли въ полуразвалившихся телѣжкахъ два мужика: Худыя, заморенныя лошаденки потряхивали бубенчиками.

— Не подвезти ли, ваша милость? слышалось предложеніе.

— Въ Капустино.

— Въ Капустино? Да что съ васъ взять-то? Рубликъ положьте.

— Что ты, что ты! Да вѣдь Капустино отъ станціи всего три версты.

— Мы, ваше благородіе, считаемъ четыре.

— Мало ли что вы считаете. Да хоть бы и четыре! Развѣ можно за четыре версты...

— За восемь гривенъ садитесь! крикнулъ краснорожій мужикъ.

— Чего ты лѣшій, цѣну-то сбиваешь! Анаеема! Баринъ и рубль бы далъ... обругалъ его мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

— Тридцать копѣекъ, посулилъ баринъ.

— Шагай пѣшкомъ.

— Грубіянь!

Мужъ и жена тронулись въ путь. Грязь была непролазная. Приходилось проходить по узенькой протоптанной тропинкѣ. Ноги скользили. Сдѣлавъ шаговъ тридцать, мужъ обернулся и крикнулъ:

— Сорокъ копѣекъ дамъ!

— Да вѣдь оттуда порожнемъ придется ѣхать.

— Зачѣмъ порожнемъ? Мы обратно поѣдемъ.

— А долго тамъ пробудете?

— Да дачу намъ посмотрѣть. Къ обратному поѣзду насъ и привезешь.

— Такъ вѣдь это на четыре часа. Ну, полтора рубля положьте.

— Тьфу ты пропасть! Рубль...

— Не бери, Силантій, дешевле полутора рублей. Баринъ дастъ. Я цѣны сбивать не стану, ежели мнѣ двугривенничекъ пожертвуешь, сказалъ мужику съ подбитымъ глазомъ краснорожій мужикъ.

— Ну, рубль съ четвертью.

— Дешевле не поѣду, отвѣчалъ мужикъ съ подбитымъ глазомъ и отвернулся.

Мужъ и жена стали шептаться.

— Надо дать, сказала жена. — Тутъ просто утонешь въ грязи. У меня хорошіе польскіе сапоги въ семь рублей. Что за радость ихъ испортить!

— Ну, давай, чортъ тебя дери! раздраженно крикнулъ мужъ.

— Пожалуйте сюда обратно. Мнѣ нужно съ товарищемъ разсчитаться, а денегъ у меня нѣтъ.

— Зачѣмъ же мы къ тебѣ по грязи обратно поидемъ? Подѣзжай сюда самъ.

— Понимаете, ваша милость, мнѣ нужно ему двугривенный отдать, а ежели я къ вамъ поѣду, онъ можетъ подумать, что я и совсѣмъ уѣду, пояснялъ мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

— Ну, да ладно. Поѣдемъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, барынѣ шагать грязно. Баринъ добрый, авось, за это мнѣ пяточокъ на стаканчикъ пожертвуетъ, прибавилъ краснорожій мужикъ и, стегнувъ лошадь, поѣхалъ вмѣстѣ съ товарищемъ.

Мужъ и жена стали садиться въ телѣжку къ мужику съ подбитымъ глазомъ.

— Двугривенничекъ вы прежде вонъ товарищу позвольте, сказалъ тотъ. — Это ужъ за меня. А мнѣ потомъ двугривеннаго не додадите.

Мужь далъ. Краснорожій мужикъ подбросилъ двугривенный на рукѣ.

— Четвертачекъ, баринъ, четвертачекъ. Еще пяточокъ къ этому прибавьте, проговорилъ онъ.— Это ужь отъ себя.

— За что? Съ какой стати?

— Помилуйте, да за что же nibудь я къ вашей милости подѣзжалъ. Вы мнѣ пяточокъ на шкаликъ дадите, а мы за васъ Богу помолимся.

— Ничего я тебѣ больше не дамъ, отрѣзалъ и сталъ подсаживать въ телѣжку жену.

Краснорожій мужикъ заругался:

— Экъ, сквалыжникъ! А еще баринъ. Нѣтъ, видно, не баринъ, а шушера изъ какихъ-нибудь бродягъ. Да и въ барыни-то себѣ такую же подобралъ.

— Молчи, мерзавецъ! крикнулъ мужь.

— О, такъ сейчасъ и испугался! Такъ сейчасъ и замолчалъ! Много тутъ такой шентропы шляется. Шляпу надѣлъ, да и думаетъ, что онъ и баринъ.

— Вася! Да кликни ты городского. Вѣдь долженъ же быть тутъ гдѣ-нибудь на станціи городской!

— Какой же, милая, въ деревнѣ городской! Нѣтъ, ужь надо такъ оставить, пренебречь, пробормоталъ мужь, влѣзая въ телѣжку, и крикнулъ мужику съ подбитымъ глазомъ:— Пошелъ скорѣй!

Возница стегнулъ лошадь и поѣхалъ. Краснорожій мужикъ не унимался. Онъ тоже ѣхалъ сзади и продолжалъ ругаться.

— Не барыня, а дрянъ—вотъ какой номеръ! кричалъ онъ.—Думаетъ, что шляпку треухомъ на голову надѣла, такъ ужъ и барыня. Держи карманъ! Барыня, да не съ того конца. Ахъ, природы! Пятачка мужику жалѣете! Прислуга изъ горничнаго сословія, да и та подчасъ не жалѣетъ.

— Послушай, что же это такое! возмутился мужъ.— Я сейчасъ поѣду за урядникомъ, ежели онъ не прикончить ругаться, обратился онъ къ мужику съ подбитымъ глазомъ.—И ты будешь свидѣтелемъ безобразія. Гдѣ у васъ урядникъ?

Мужикъ съ подбитымъ глазомъ сталъ уговаривать товарища:

— Уймись, Михей. Ну, что тебѣ?.. Вѣдь ужъ двугривенный съ меня получилъ.

— Ахъ, черти, черти паршивые! опять крикнулъ краснорожій мужикъ.

— Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! Такъ оставить нельзя. Вези къ уряднику!.. заоралъ во все горло мужъ.

— Урядникъ, ваша милость, въ восьми верстахъ. Плюньте... Онъ отстанетъ—уговаривалъ сѣдока мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

Краснорожій мужикъ ввернулъ въ заключеніи еще ругательное словечко и, удержавъ свою лошадь, сталъ ее поворачивать назадъ.

— Ну, разбойники здѣсь у васъ! Да вѣдь вы

просто разбойники! произнесъ мужъ, багровѣя отъ злобы.

— Не разбойники, сударь, а просто онъ пьянъ. Пьянъ со вчерашняго. Вчера у нихъ въ деревнѣ кабакъ новому арендателю сдавали, такъ кабатчикъ поилъ даровымъ виномъ, отвѣчалъ мужикъ съ подбитымъ глазомъ.

Лошаденка, шлепая по грязи, тащила телѣжку.

II.

Проѣхали съ полверсты и въѣхали въ маленькую деревушку въ пять-шесть дворовъ. Дорога сдѣлалась еще грязнѣе. Колеса телѣжки вязли въ грязи по ступицу. Въ грязи валялись жерди, вѣтви ельника, набросанныя для укрѣпленія дороги, но еще больше дѣлавшія ее убійственною. Сѣдоки—мужъ и жена подпрыгивали въ телѣжкѣ, качались изъ стороны въ сторону.

— Держись крѣпче, а то вылетишь, сказалъ мужъ женѣ.

— Да и то держусь, но боюсь, прикушу языкъ при тряскѣ, отвѣчала та.

— Стисни зубы — вотъ и не прикусишь. Послушай, землякъ, тутъ всегда такая дорога? обратился мужъ къ везшему ихъ мужику.

— Нѣ... Только по веснѣ, да развѣ въ сильные дожди. А лѣтомъ, какъ подсохнетъ, такъ что твое шоссе... Тутъ глина. Пока она размокла — ну, и того... а подсохнетъ, такъ что твой камень.

— Ежели и лѣтомъ здѣсь такая дорога, то Богъ съ ней и съ дачей въ здѣшней мѣстности, проговорила жена, то держась руками за бортъ телѣжки, то поправляя съѣхавшую на затылокъ шляпку отъ тряски.

— Нѣ... Будьте безъ сумнѣнія насчетъ лѣта. Ухабы—это точно, ухабы есть, а только сухо, чудесно, успокоиваль мужикъ.

Хотя деревушка была всего изъ пяти-шести дворовъ, но у крайней избы, выстроенной нѣсколько отдѣльно отъ другихъ избъ, надъ воротами было какое-то подобіе полинявшей выѣски и стоялъ большой шестъ, а на немъ была вздѣта бутылка.

— Ваше благородіе, вотъ здѣсь выпить можно. Прикажете остановиться? сказалъ мужикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Съ какой стати выпивать! отвѣчалъ мужъ.

— Тутъ и пиво хорошее есть. Ваша барынька тоже съ нами бы выпила.

— Ничего не надо. Ни водки, ни пива не надо.

— Да вы сами-то не пейте, а мнѣ поднесите.

— И тебѣ не надо. Отъ тебя и такъ, какъ изъ кабака разить.

— Какъ же это возможно, чтобъ извозчику-то не надо! Это ужъ такое положеніе.

— Поѣзжай, поѣзжай. А то выпьешь, да еще вывалишь насъ.

— Помилуйте, сударь, съ какой стати вываливать? Мы веселѣе поѣдемъ. Такъ остановиться?

— Тебѣ сказано, что не надо.

— Экій вы, баринъ, строгій какой! Вотъ мы охотниковъ когда возимъ, тогда тѣ не такіе. У тѣхъ ужъ заведено: гдѣ выпить можно—стой!

— То охотники, а мы ѣдемъ дачу нанимать.

— Да вѣдь извозчику-то все единственно. У извозчика что съ охотникомъ—все равно нутро свербить. А я, ваша милость, со вчерашняго похмелья. Дозвольте вернуться и выпить за ваше здоровье для перваго знакомства. Вѣдь лѣтомъ-то съ нами будете же ѣздить, ежели дачу снимете, такъ надо же насъ подсобить. И извозчикъ человѣкъ нужный.

Мужъ молчалъ. Жена пожала плечами и пробормотала:

— Это ужасъ, какіе пьяницы!

— Дозвольте вернуться и выпить на пяточокъ за ваше здоровье, ваше благородіе, продолжалъ приговаривать мужикъ.

— Тебѣ сказано, что не надо здѣсь останавливаться,—ну, и пошелъ! раздраженно крикнулъ мужъ.

— Да вѣдь ближе какъ въ Капустинѣ выпить